

ДМИТРИЙ БЫКОВ. К 80-ЛЕТИЮ А.К. ЖОЛКОВСКОГО

Ахматова -- Жолковскому

Просыпаться на рассвете,
Оттого что ужас душит:
Как профессор загорелый
Странно смотрит на меня!
Представлять его часами
То в домашнем интерьере,
То среди студенток пылких,
То на пляже ввечеру;
Вот он правит двухколесным,
Вот стучит его машина,
Вот он странствует на яхте,
Между ног сжимая руль;
Вспоминать в истоме жаркой,
Обращаясь к Александру,
Как давала Вольдемару,
Коле Г. и Коле П.,
Анатолию младому,
Ненасытному Артуру,
Ослепительной Фаине
И Психее роковой,
Как хотела дать Исайе,
Как дала бы даже Блоку,
Даже Осипу дала бы –
А тебе бы не дала!

Кузмин -- Жолковскому

Александровская песня

Был бы я великим Александром,
Культовым профессором Жолковским, --
Только мною одним бы занимался,
Оттеснил бы всякого другого;
Не писал бы про Ильфа и Петрова,
Зря друг с другом лишь терявших время,
И про Бабеля тоже не писал бы,
И чванливою пренебрег бы Анной.
Полюбился бы голубому лобби,
Блистал на симпозиумах наших
И стал бы известней
Всех живущих в Египте.

Было вас четыре кузминиста:
Николай брадатый богомольный,
Джонни из Принстона зануда,
Морев некрасивый, машелюбый, --
И стройный, загорелый Жолковский,
Которого только я завижу –
Вспоминаю закат над морем,
Сладкий шорох шин велосипедных,
Зоркие очки на римском носе,
Структуры, суши и виньетки,
И форель моя становится длиннее,
Чем у всех живущих в Египте.

Мы бы вместе писали виньетки,
Мы бы вместе купались в джакузи,
Мы бы вместе играли на флейте –
На его и моей поочередно!
Но ах, но ах, жестокая судьбина!
Между нами коварная Панова!
Что Панова? зачем Панова?
Что может баба понимать в Египте?!

**Оммаж Жолковскому
(Бунин, Зоценко, Бабель, Лимонов, Ильф и Петров)**

В дорогом пальто английского сукна, в тяжелой и прочной обуви ходил по изжелта-серым, тугим доскам палубы, подставлял лицо крепкому ветру, дувшему с севера уже позимнему. На берегу дымил костер, донося запах дыма, навевающий мысли об ухе, скором обеде в пароходном ресторане. Услышал, как жалобно застучали по железной лестнице ее дешевые, потертые башмачки, показалась голова в белой шляпке, совсем по-гимназически подвязанные у подбородка ленты.

-- Добрые люди давно водку пьют, -- глухо пробасил он. – Пойдемте и мы.

-- Ах, пойдемте, пойдемте! Страшно люблю водку! – с искусственной, робкой лихостью подхватила она. Странно было сочетание ее почти девического голоса и широкого, женского зада, туго обтянутого шотландской юбкой. Он застыл на миг, предвкушая, как упадет с нее эта юбка, и почти грубо втолкнул ее в дверь.

-- Шляпку сняли бы, -- сказал он хриплым от желания голосом. – Не люблю баб, которые в шляпках. -- Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

Она с трогательной готовностью сняла шляпку и начала уже расстегивать блузку, но он жестом остановил ее.

-- погоди, страмница. Перед народом совестно.

Она взяла меню и со стыдливостью бедности начала просматривать закуски.

-- Выпьем, -- сказал он и опрокинул рюмку. Она тоже выпила, поперхнулась,

закашлялась и уже нагло, жадно посмотрела в меню. Перед ними изогнулся официант:

-- Семужку, севрюжку, икорку...

-- Да, да! – горячо закивала она. – Икорку! Севрюжку!

«Уж и раскутилась», -- подумал он.

-- С голодухи, мадам, может вытошнить. Довольно свинство с вашей стороны.

-- Которые без денюх – не кушают с дамами, -- ответила она и посмотрела с вызовом.

Эх, подумал он, пропадай моя телега, все равно мне с тобою не гулять.

Заказала она с московским вкусом – крепко прожаренных рябчиков, крепко запеченную стерлядь, крепко крепленое вино. Он смотрел, как краснеет ее сухая кожа и влажнеют смородинные глаза. Разность сухих и влажных ее мест была удивительна.

-- Ну, покушала и будя, -- сказал он после пятой рюмки. Она с трогательной детской готовностью пошла в его каюту, но на лестнице обернулась и вакхически подставила ему губы. Чудовищная грудь ее забрасывалась за спину. Она целовалась правильно, безжизненно и развязно – как целуются еврейки с выкрестами.

-- Э, какое глупство, -- сказал он досадливо, отрываясь от ее извилистого рта.

-- Вы забавный, -- прорычала она. – Я пьяна, голубчик. Парень с девкой – музыки не надо.

-- Э, э, -- сказал он, -- здесь тебе не Одесса.

Она уставилась на него розовыми глазами и пошла в каюту, отключив зад, лежавший в юбке свободно, как кот в мешке. В каюте она сразу повернулась к нему и спросила:

-- Все снимать?

-- Все, и быстро, -- ответил он. Он понял уже, что она ничего не умеет.

-- Слышь, как тебя там, -- сказал он ей. – Пизда. Я буду тебя сейчас ебать глубоко и мокро, горячо, с наслаждением, как мясо ебет другое мясо. Как в Харькове в моей молодости, когда мяса почти не было.

Он погладил пальцами ее мох ниже живота и горячую, липкую влажность ее щели. Это была хорошая щель, глубокая красная щель. Он сделал себе и ей джойнт, пахнувший ее щелью. Потом засунул палец глубже и стал водить им туда-сюда.

-- Я сейчас буду ебать тебя, -- приговаривал он. – Ебать тебя раком и боком, членом и пальцем, так, чтобы оргазм наплывал на оргазм. Ебать тебя так, как Путин ебал нацболов. Ебать тебя так, как Жолковский ебал Тименчика.

Но тут он задумался. Кровать в каюте была устроена так, что с нее не было видно верхнюю палубу, а без этого не получалось никакого удовольствия. Он резко кинул ее на кровать. Борьба продолжалась в партере.

-- Как же это скомбинировать, -- бормотал про себя великий комбинатор. – Как же тебя положить, знойная женщина, мечта поэта?

По палубе с барабанным топаньем шел отряд пионеров.

-- Может быть, в жопу? – спросила она с грязной невинностью. Это опять просунулся харьковчанин.

-- Подожди ты, -- огрызнулся он. – Как же это он ее... как же это разложить, чтобы как у него? Сказано: положил на кровать. Так, может, она на нем сидела? Или если стоя...

-- Должна вас предупредить, -- сказала она, -- что за сеанс меньше пятидесяти копеек не беру.

Ее торчащие ягодицы напоминали маньчжурские сопки, между которыми, теряясь, увязала Байкало-Амурская магистраль.

Он, не слушая ее, продолжал рассчитывать:

-- Или поперек... Или так...

Как у Бунина, все равно не выходило. Выходило как из приложения к «Ниве», где предлагалось полное собрание чахоточного беллетриста Арцыбашева.

-- Ладно, -- сказал он устало. – Одевайся и пошла вон.

Она быстро оделась и выбежала из каюты. Он долго смотрел ей вслед с тем чувством, которое навсегда остается в душе после чтения особенно циничной виньетки.